

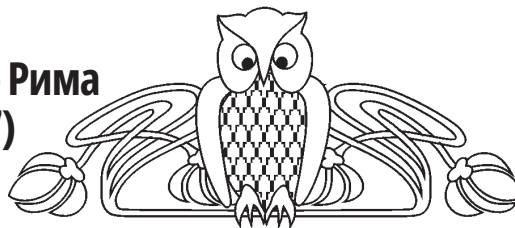
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 141–147
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 141–147
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Филимонов

Гастрономические зарисовки Древнего Рима в поэме В. С. Филимонова «Обед» (1837)

Ю. Г. Дорофеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дорофеева Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, grunaughen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1777-200X>

Аннотация. В статье рассматривается «Обед» (1837) В. С. Филимонова как литературно-гастрономическая поэма. Упомянутые поэтом застольные блюда носят утилитарный характер, а также встраиваются в систему литературных отношений, становятся источником интертекстуальных связей и аллюзий. Герои В.С. Филимонова дегустируют не только и не столько подаваемые блюда и напитки, сколько саму жизнь: за вкусным обедом они утоляют голод долгожданных встреч надежных друзей, ведут полемические беседы, смакуют литературные новинки. В центре внимания исследования – древнеримская культура питания. Поэма «Обед» продолжает формирующуюся систему образов русской италианы 40-х гг. XIX в., но ее тематическое своеобразие позволяет В. С. Филимонову показать державность, вечность Рима с иной – бытовой – стороны. Выделено пять категорий, воссоздающих картину гастрономической жизни великой империи: крылатые фразы и латинские словосочетания; кулинарные блюда; имена и события; элементы быта и обычаи; цитаты из произведений римских авторов. Объектом исследования в данной статье стала первая категория – крылатые выражения и латинские словосочетания. Прослеживается трансформация выражений «*edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus*», «*sub rosā*», «*in vino veritas*». Выдвигается предположение, что вероятным источником латинского выражения «*nubes exculenta*» для В. С. Филимонова являлся трактат французского политического деятеля Ж. А. Брийя-Саварена. На основе изучения кулинарных энциклопедий, словарей и поваренных книг XVIII–XXI вв. делается попытка установить, какие блюда входили в понятие «*nubes exculenta*» (съедобные облака). Поэма «Обед» сопоставляется с оригинальными текстами римских авторов – «Естественной историей» Плиния Старшего, трактатами Сенеки «О природе», «О блаженной жизни». Переводы латинских первоисточников сделаны автором статьи.

Ключевые слова: В. С. Филимонов, «Обед», Древний Рим, *sub rosā*, *in vino veritas*, *nubes exculenta*, Плиний Старший, Сенека, литература и гастрономия

Для цитирования: Дорофеева Ю. Г. Гастрономические зарисовки Древнего Рима в поэме В. С. Филимонова «Обед» (1837) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 141–147. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Gastronomic accounts of the Ancient Rome in the poem *Dinner* by V. S. Filimonov (1837)

Yu. G. Dorofeeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia G. Dorofeeva, grunaughen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1777-200X>

Abstract. The article considers *Dinner* by V. S. Filimonov (1837) as a literary and gastronomic poem. The dishes mentioned by the poet are not only of practical use, they are incorporated into the system of literary relationships, and become a source of intertextual connections and allusions. V. S. Filimonov's characters taste not only and not so much the dishes and drinks served; they rather taste life itself: over dinner they satisfy their hunger of long-expected meetings with true friends, have polemic conversations, relish literary novelties. The research focuses on the food culture of Ancient Rome. The poem *Dinner* follows the forming system of images of the Russian Italiana of the 1840s, but its thematic peculiarity allows V. S. Filimonov to show the power, the eternity of Rome from another point of view – the everyday one. Five categories, recreating the picture of the gastronomic life of the great empire, have been singled out: popular phrases and Latin expressions; culinary dishes; names and events; elements of everyday life and customs; quotes from the works of Roman authors. The object of research in this article is the first category: popular phrases and Latin expressions. A transformation of the expressions “*edimus ut vivamus*”, “*non vivimus ut edamus*”, “*sub rosā*”, “*in vino veritas*” can be traced. A probable source of the Latin expression “*nubes exculenta*” for V. S. Filimonov is assumed to be the treatise of a French political leader J. A. Brillat-Savarin. By studying the culinary encyclopedia, dictionaries and cookbooks of the 18–21st centuries, an attempt is made to identify the dishes included in the notion of “*nubes exculenta*” (edible clouds). The poem *Dinner* is compared to the original texts of the Roman authors – *Natural History* by Pliny the Elder, *On Nature*, *On the Blessed Life* by Seneca. The Latin sources have been translated by the author of the article.

Keywords: V. S. Filimonov, *Dinner*, Ancient Rome, sub rosā, in vino veritas, nubes exculenta, Pliny the Elder, Seneca, literature and gastronomy

For citation: Dorofeeva Yu. G. Gastronomic accounts of the Ancient Rome in the poem *Dinner* by V. S. Filimonov (1837). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 141–147 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В феврале 2022 г. исполнилось 235 лет со дня рождения Владимира Сергеевича Филимонова (1787–1858), активного участника литературно-общественного процесса 1820-х гг., почетного члена Вольного общества любителей российской словесности, автора сатирической поэмы «Дурацкий колпак», эпикурейской поэмы «Обед» и обличающей крепостническую систему поэмы «Москва». До 1831 г. карьера Филимонова складывалась блестяще. Отмеченный двумя орденами за участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, он был назначен на должность новгородского вице-губернатора, служил в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов, в чине действительного статского советника занимал пост архангельского губернатора. Параллельно с чиновничьей службой Филимонов писал стихи, повести, романы, басни, переводил Горация, Клопштока, Дроза, Монтеня, издавал журнал «Бабочка». Круг общения литератора составляли ключевые поэтические фигуры эпохи – Языков, Дельвиг, Батюшков, Баратынский, Жуковский, Вяземский, Крылов, Пушкин, Плетнев, Гнедич, Карамзин. Несмотря на активную литературную деятельность, на положительные отклики А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, А. А. Бестужева и других современников, несмотря на близость с декабристами, антикрепостнические выпады и проекты о конституционной монархии, творческое наследие поэта не получило широкого и всестороннего изучения. Исследование репрезентативных произведений поэта представлено только в диссертации Л. Г. Лёнюшиной «Творчество В. С. Филимонова в литературном движении первой трети XIX века» (1985). В 1988 г. Л. Г. Лёнюшина стала составителем, автором предисловия и комментариев наиболее полного издания произведений поэта «Я не в Аркадии – в Москве рожден». В 2019 г. поэма «Обед» была переиздана с подзаголовком «гастрономическая поэма». Это неудивительно, так как начиная с 1980-х гг. она упоминается в различных кулинарных книгах, статьях, посвященных литературной гастрономии (С. Бородина, Е. В. Лыхина и Е. А. Селина, В. В. Похлебкин, Е. Г. Соколов, О. и П. Сюткины и др.).

Цитируемые исследователями отрывки «Обеда» определяются тематической направленностью публикаций, носят сугубо утилитарный характер: продемонстрировать красоч-

ность, обильность, национальное разнообразие и уникальность описанных Филимоновым яств и застолий. В. В. Похлебкин, обращая к тексту поэмы, отмечает, что поэт высмеивает два самых больших с кулинарной точки зрения порока – «пищевую несовместимость в составе ряда блюд» и «несовместимость ряда блюд и напитков в смысле их последовательности в еде» [1, с. 6]. Е. Г. Соколов называет книгу концептом еды, позитивной стратегией питания [2, с. 186–187]. Однако поэму Филимонова не стоит воспринимать как узкогастрономическую, она литературно-гастрономическая. Упомянутые блюда несут не только бытовое значение (а для нас уже значение историко-культурного факта). Зарисовки обедов, пиров – это встречи друзей, литературной братии:

Обед с друзьями в круговой:

В Обухове гостеприимном,

В углу близ Спаса в доме длинном;

Между Никитской и Тверской,

Где князь-поэт был Талиархом;

В саду где с Русским жил Плутархом;

Близ моста в полукружье дом... [3, с. 90].

Автор, выделяя курсивом географическое положение застольных встреч, подчеркивает их территориальную пестроту, хлебосольство хозяев: близ Спаса встречает гостей Е. Баратынский, между Никитской и Тверской – П. А. Вяземский, в саду Царицына – Н. М. Карамзин. Сочинители устраивают обеды в честь литературных кумиров – Делиля, Клопштока... Самыми типичными для обедов оказываются именно литературные баталии – о Горации, Байроне, Шиллере.

В. Э. Вацууро пишет о встречах русских поэтов в 1828 г.: «Идет жизнь – лихорадочная, беспорядочная, жизнь дневная и ночная – у Перовского, у Филимонова, у Жуковского... Жизнь без оглядки, все как будто торопятся, словно чувствуют, что видятся в последний раз» [4, с. 103]. Обеды становятся дегустацией не только и не столько подаваемых блюд и напитков, сколько дегустацией самой жизни: за вкусным обедом утоляется голод долгожданных встреч надежных друзей, кипят бурные полемические беседы, смакуются литературные новинки.

Филимонов был радушным хозяином, о чем свидетельствуют воспоминания К. А. Полевого: «Особенно бывал он любезен за бутылкой хорошего вина, за медленным обедом, а это случалось почти каждый день у Филимонова <...>

Горацианские беседы их скоро произвели то, что Тимковский стал называть Николая Алексеевича [Полевого] юношею, а Филимонова *меценатом*, который лелеет дарования» [5, с. 382]. В воспоминании Полевого образ Филимонова выстраивается на аллюзиях античного Рима, что вполне соответствует и внутреннему мироощущению поэта, и его поведению, и его взглядам.

Тема Древнего Рима была близка Филимонову: он переводил оды Горация «К Леоконие» (I, IX), «К Квинту» (II, II), «К Деллию» (II, III), «К Лицинию» (II, X), «К Гросфу» (II, XVI), «Меценату» (IV, VII) и др. В 1840 г. в «Невском альбоме» было опубликовано его стихотворение «Рим – Москва», написанное абсолютно в духе своего времени и отражающее формирующуюся систему образов русской италианы 40-х гг. [6–10], рефлексирующее о русской государственности (Москва – третий Рим). О. С. Крюкова в своей докторской диссертации «Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века» отмечает традиционность римской географии («Колизей, Форум, Пантеон, Капитолий, “храм Петра”, Тибр») и хрестоматийность римской антропонимики (Брут, Катон, Нерон, Калигула и т.п.) [7, с. 12–13]. Тематическое своеобразие гастрономической поэмы «Обед» позволяет Филимонову показать державность, вечность, гордость Рима с новой – бытовой – стороны.

В поэме можно выделить несколько категорий, создающих картину культуры питания Римской империи: крылатые фразы и латинские словосочетания; кулинарные блюда; имена и события; элементы быта и обычаи; цитаты из произведений римских авторов. В данной статье рассматриваются крылатые фразы и латинские словосочетания.

Крылатое выражение «*Edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus*» (мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть), иногда приписываемое римскому ритору Марку Фабию Квинтилиану, пришло в латинский язык из греческого и принадлежит Сократу. Философ не оставил после себя трудов, поэтому его изречения передаются учениками или древними историками философии. К последним относится Диоген Лаэртский, который описал отношение Сократа к еде, превратившееся в последствии в афоризм: «Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть» [11, с. 103]. Глагол *vivēre*, обозначающий физиологическое состояние, передает сократовский минимализм – существовать, быть живым (противоположность *poti* – быть мертвым), поддерживать организм питательными веществами для осуществления комплекса физических действий. Филимонов меняет афоризм:

Мы, в наше нравственное время,

Едим, чтоб жить, не с тем, чтоб спать [3, с. 77].

«Жить» для Филимонова – это наслаждаться жизнью, быть активным, деятельным, это противопоставление бездействию (спать, прозябать). Автор укоряет тех, кто вкушает пищу без должного наслаждения, почтения, кто не ведет душевных застольных бесед. Эти люди для него бездушные едоки.

Вторая часть латинской фразы «*non vivimus ut edamus*», несущая сему пресыщения, присутствует в поэме имплицитно и носит характер антитезы:

Мы пьем не с тем, чтоб упиваться,

Чтоб отуманивать наш ум;

Мы пьем, чтоб чувством наслаждаться,

Чтоб искрить пену светлых дум [3, с. 77].

Употребление горячительных напитков, согласно Филимонову, не должно быть чрезмерным, вести к опьянению и дурным поступкам. Оно должно лишь пробудить в обедающих интерес к беседе, направить разговор в нужное русло, натолкнуть на светлые воспоминания, зародить искру надежды. Пить не возбраняется – ведь «сам Клопшток великий пил» [3, с. 117], – но нужно соблюдать определенные правила. В «Обеденном уставе», третьей части поэмы, автор говорит, что поэзию вина составляют три тайны: «*в пору подавать*», «уметь *налить*» вино и «его *Горациански пить*» [3, с. 75]. Филимонов противопоставляет современную русскую культуру винопития древним греческой и римской. Несмотря на то, что древние пили лукавое (разбавленное) вино,

Их хмель был хмель сердитый, рьяный,

А наш лишь сердце веселит;

У них молчал безгрешно пьяный,

У нас и пьяный говорит [3, с. 17].

В двух последних строках, возможно, скрываются такие классические выражения, как «*sub rosā (dictum)*» и «*in vino veritas*». Древний римлянин, оказавшийся на пиру, даже не замышляющий ничего дурного (безгрешно пьяный), вынужден молчать в смутные времена краткосрочных правлений императоров, чтобы не оказаться неверно истолкованным. Услышанное им под розой должно оставаться неразглашенным, тайным.

Inde rosam mensis hospes suspendit amicis

Convivae ut sub ea dicta tacenda sciant [12, с. 97].

«Во время дружеского обеда хозяин подвешивает розу, чтобы гости знали, что сказанное под ней не нужно предавать огласке». Однако вино делает человека словоохотливым, и для охмелевшего выбалтывать секреты, сокровен-

ные мысли – обычное дело. Именно этот смысл имеет выражение «in vino veritas», которое первыми употребляют греческий лирик Алкей и римский историк Плиний Старший [13, с. 143]. В «Естественной истории» ученый рассуждает о воздействии вина на человека: «Так вина черпают себя из жажды наслаждений, и она даже поощряется в качестве награды опьянением, и, если угодно богам, окупается. Один столько выпивает, сколько съедает, как правило, возмездием становится пьянство, другой сколько ищет чего-либо, столько и пьет. Тогда жадные глаза оценивают матрону, отяжелевшим взглядом он смотрит на мужа, тогда раскрываются секреты души. Третьи оглашают свои завещания, четвертые губительно болтают, готовые вырваться из глотки голоса не сдерживаются, хотя многие были уничтожены из-за этого; как говорит народ – истина в вине» [14, Lib. XIV, р. 36–37]. Интересно, что у слова *attributio* есть в том числе значение «предписание о выдаче денег», а однокоренное *attributum* – это «деньги, ассигнованные из государственной казны» [15, с. 89]. Прилагательное *mortifer* (смертельный, губительный, смертоносный) и существительное *attributio* создают атмосферу доносов, связывая «in vino veritas» с «sub rosa» политическими ниточками. Филимонов убирает весь политический подтекст латинских выражений. Он прославляет философию вина, указывает на предназначение каждого напитка: мадера лечит, бархатный лафит тихо веселит душу, йоханнисбергер дарит надежду и т.д.

Другое латинское выражение, встречающееся в поэме, *nubes exculenta* (*nubes, is f* – облако, туча; *esculentus, a, um* – съедобный, годный в пищу) – съедобные облака:

От Мецената до Клиента,
В гостях вспыхает прежний жар.
Вот блюда: *Nubes exculenta*,
Вот блюда, легкие, как пар;
Оне от прочих блюд отличны:
Легко их пряность небу льстит,
Оне в нас будят аппетит;
И послевкусья яств различных
Их впечатлений разных след,
Оне в нас нежно улаждая,
Рот благовошьем наполняя,
Усовершенствуют весь обед [3, с. 140].

Какие кушанья следует понимать под *nubes exculenta*? Десерт (легкие, как пар) или закуски (будят аппетит)? В словарях, поваренных книгах, кулинарных энциклопедиях XVIII–XXI вв. нам не удалось найти какого-либо определения или упоминания латинского словосочетания. Во французской кухне есть рецепт с названием

«Съедобные облака» («*Nuages comestibles*»), представляющее собой запеченные при 350° взбитые с сахаром яйца. В России в XIX в. бытовало интересное название безе – «испанский ветер», что можно узнать со слов героев И. С. Тургенева [16, с. 74] и М. Е. Салтыкова-Щедрина [17, с. 486]. Выражение *nubes exculenta* встречается в сочинении французского юриста, политического деятеля Ж. А. Брийя-Саварена «Физиология вкуса» (1825). Книга была очень популярна, а ее автора французы возвели в ранг непревзойденного гурмана, дегустатора, эталонного кулинарного критика – именно в такой ипостаси он упоминается О. Бальзаком в «Шагреневои коже» [18, с. 379]. Трудно представить, что Филимонов не был знаком с сочинением Брийя-Саварена. Лозунг последнего – «Те, кто объедается или напивается, не умеют ни пить, ни есть» [19, с. 2] – созвучен главной идеи «Обеда».

Если следовать композиционному построению поэмы, то *nubes esculenta* – это десертные блюда, так как употребление выражения приходится на конец описания Большого пира. В следующей строфе перечисляются сладости: марципаны, мармелад, безе, кремы, желе, бланманже и пр. Это десерт в нашем современном понимании. Для человека XIX в. это отдельная кулинарная категория – легкие, как пар, взбитые, как облака (*nubes esculenta*), возбуждающие аппетит перед десертом – фруктами, ягодами, мороженым, орехами. Следует отметить, что определения слова «десерт» разнятся: одни объединяют плоды и сладкую выпечку, другие нет. В издании 1795 г. читаем: «Десерт есть третья перемена стола, состоящая обыкновенно из плодов вареных и сырых, конфет, сахарных пирожных, глассированных или облитых стекловидным сахаром сыров» [20, с. 89]. Однако В. Левшин в «Народной поварне», в издании этого же года, печатает «Словарь поваренный <...> пирожного, десертов, варений, салатов...», разделяя пирожные и фрукты. Следует не забывать, что одним и тем же словом можно обозначить разные по вкусу блюда. В начале XIX в. (как, впрочем, и сейчас) макаронами назывались и сахарные лепешечки, и мелкая лапша. Поэтому, предлагая рецепт макаронника или лапшевника, автор поваренной книги подчеркивал, что под макаронами в данном рецепте подразумеваются не миндально-сахарные изделия, а мелко крошенная сушеная лапша из чужих краев, продаваемая в овощных лавках [21, с. 379]. Лапшевники представляли собой отварные макароны, залитые взбитыми с мускатом яйцами, толсто посыпанные тертым сыром и сверху и снизу запеченные горячим углем. «Амулет есть не что иное, как пирожное кушанье из од-

них яиц, и с одну сторону печеное» [21, с. 381], которое по приготовлении сверху поливалось, например, уштофанным хмелем. Этот взвар (соус) готовился путем смешивания молодого хмеля с тертым калачом, солью, мясным супом или сладким ромом [21, с. 381]. Таким образом, лапшанник с шапкой каравая и *omlettes a la Nohilles soufflets*, упоминаемые в «Обеде», – это пряные пирожные, и «их пряность небу льстит». Фелимонов не случайно пишет русскую поэму о мировой кулинарии. Ко времени написания «Обеда» русский стол, сохраняя старинные традиционные блюда, щедро включает европейские новшества. Русское слово «заедки» вытесняется французским «десерт», но культура подачи сохраняется прежняя – десерт подается в начале трапезы [22, с. 487]. Обращает на себя внимание глагол «усовершенствовать» – совершенствовать, улучшать. Съедобные облака усовершенствуют весь обед, т. е. присутствуют на столе при всех переменах.

В таком случае возникает вопрос: почему Фелимонов говорит о *nubes esculenta* не в начале, а на последних страницах поэмы, упоминая их после жаркого, перед фруктами? Зачем нужна латинизация словосочетания? Здесь читатель сталкивается с литературной маркированностью, кодировкой, многоуровневой интертекстуальностью. Брийя-Саварен писал: «Утонченность наших нравов не нуждается в рвотном римлян; но мы превзошли их и приличными путями достигли той же цели. Изобретены столь привлекательные кушанья, что они всегда снова возбуждают аппетит, но притом так легки, что ласкают вкус, не обременяя желудка. Сенека назвал бы их: *nubes esculenta* (съедобные облака)» [23]. Вероятно, именно у французского профессора Фелимонов заимствует латинское выражение. Иерархия присутствующих на Большом обеде обозначена римскими антропонимами: начиная строфу словами «от Мецената до Клиента», Фелимонов напоминает о богатых устроителях римских пиров и широкой аудитории приглашенных, тем самым отсылая к произведениям Горация, Сенеки, Марциала, Ювенала и других классиков. Употребляя выражение *nubes esculenta* (выделив его курсивом), он сужает круг литературных имен через Брийя-Саварена до одного имени, Сенеки.

Сенека Младший в «*Quaestiones Naturales*» («О природе», дословно «Естественнонаучные исследования») помещает трактат «*De nubibus*» («Об облаках»). В нем метеорологические наблюдения перемежаются с мировоззренческими, этическими. Философ подшучивает над оду-

шевением облаков, представлением о них как о сильных божествах, милостиво принимающих жертвоприношения для предотвращения града: «Мало того, каждый за себя приносил в жертву кто ягненка, кто цыпленка: тотчас, отведав той или иной крови, те облака удалялись в другую сторону <...> Тот, у кого не было ни ягненка, ни цыпленка, чтобы можно было избежать потерь, налагал на себя руки, ты не ослышался, но не думай, что облака безжалостны, [этот человек] прокалывал свой палец хорошо заостренной металлической палочкой, эта кровь и являлась жертвоприношением» [24, Lib. IV, 6, 2–3]). Образ грозной тяжелой тучи, пожирающей стадо ягнят, развеивается насмешкой Сенеки, превращаясь в легкое облачко. Так и у Фелимонова блюда, поглощаемые гостями одно за другим, не обременяют их желудки: *nubes esculenta* рассеивают тяжесть.

Затем веселая шутливость Сенеки над невежеством древних греков сменяется язвительными, гневными выпадами и упреками. Он размышляет о практическом применении облаков: порождаемые ими осадки (лед, снег) используются богатыми римлянами для успокоения утомленных обжорством внутренних органов. «Причина [жажды] состоит в том, что нет промежутков времени, чтобы они [богатые пирующие] останавливались: так непрерывно продолжающиеся до рассвета обеды перетекают в завтраки, и пестрое изобилие пожираемых кушаний погружается все глубже, и внутренности становятся переполненными; наконец, из-за непрекращающейся невоздержанности все, что было в душе, выкипело, пришло в бешенство и часто жаждет нового холода. Поэтому, повторяю, что они настоятельно требуют не снега, а именно льда» [24, Lib. IV, 13, 6–8]. Порождение воздушных облаков – осадки (лёд) – становятся неотъемлемой частью затянувшихся обедов. Охлаждая внутренности, лёд продлевает время пира.

О гастрономических издержках и разнузданности Сенека размышляет и в других сочинениях. При этом читатель узнает о культуре подачи блюд того времени. В философском трактате «*Ad Gallionem de vita beata*» («О блаженной жизни») Сенека упоминает должность нарезателя закусок: «Почему у тебя заведено искусство прислуживать по порядку и тебе хочется, чтобы серебро поставили искусно и чтобы кто-нибудь был распорядителем, разрезающим закуски» [25, Cap. XVII, 2]. Т. Ю. Бородай переводит словосочетание *scindendi obsonii magister* как «отдельная должность нарезателя закусок»

[26]. Многоуровневая интертекстуальность отсылает нас от Сенеки к Петронию и Ювеналу. У Петрония человек, исполняющий те же обязанности, назван *scissor*, у Ювенала – *carptor* [27, р. 46]. Исходя из особенностей римских пиршеств, в качестве *nubes esculenta* для древних едоков выступали закуски, при этом они подавались в течение всего обеда. Таким образом, филимоновские съедобные облака выполняют роль римских закусок.

Поэму «Обед» Филимонов пишет в Нарве, будучи в ссылке и в забвении, на грани нищеты, ослепший, болеющий водянкой. Тем более произведение поражает жизнерадостностью, увлекает живописностью и сочностью гастрономических образов. Многие из них имеют литературные корни, воссоздают литературную кулинарную географию, выстраивают системы аллюзий европейских древних – греческой (Гомер) и римской (Гораций, Катон), и новых литератур – французской (Бальзак, Сю), английской (Оссиан), немецкой (Клопшток). Гастрономические зарисовки Древнего Рима занимают особое место, каждая из выделенных категорий заслуживает отдельного рассмотрения. Кулинарные блюда (кабан, салат, макароны, гораццианское распитие вина), имена и события (Лукулл, Катон, Талиарх, Гораций, пир Антония и Клеопатры), элементы быта и обычаи (клиенты, одаривание гостей подарками) – все они литературоцентричны.

Поэма Филимонова – это философия обеда, культуры питания. Автор призывает научиться получать удовольствие от любого угощения, дружеской беседы, возникающей во время застолья. Неслучайно в финале поэмы звучат слова Марциала: «*Nos est vivere bis, vita posse priore frui*» – уметь наслаждаться прожитой жизнью, значит жить дважды.

Список литературы

1. Похлебкин В. В. Моя кухня и мое меню. М. : Центрполиграф, 2004. 466 с.
2. Соколов Е. Г. «Гастрономическая» поэма В. Филимонова «Обед» и / или турецкие сериалы // Вперед, мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания : сб. науч. ст. / под ред. К. С. Пигрова. СПб. : ООО «Книжный дом», 2019. С. 185–194. <https://doi.org/10.25807/RVN.978.5.94777.430.6.185.194>
3. Филимонов В. Обед. СПб. : Тип. Л. Снегирева и К°, 1837. 146 с.
4. Вацура В. Э. Избранные труды. М. : Языки славянской культуры, 2004. 824 с.
5. Полевой К. А. Воспоминания // Филимонов В. С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова. М. : Московский рабочий, 1988. С. 382–383.
6. Пожидаева Н. В. Итальянская тема в поэзии Ф. И. Тютчева и А. Н. Майкова : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 212 с.
7. Крюкова О. С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 44 с.
8. Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века: Приложение к «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 222 с.
9. Образы Италии в русской словесности: По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия» (Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009 г.) / ред. О. Б. Лебедева, Т. И. Печерская. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2011. 664 с.
10. Янушкевич А. С. «Прочтение» и изображение мифического Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 98–115.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; пер. М. Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1986. 571 с. (Философское наследие. Т. 99).
12. Шевченко Г. И. De aeterno vivis sententiis // Studia philologica : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. Вып. 8. Мінск : БДУ, 2015. С. 96–104.
13. Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М. : Просвещение, 1969. 350 с.
14. C. Plinii Secundi. Naturalis historiae libri XXXVII. Recognovit et varietatem lectionis ADIECIT IULIUS SILLIG. Vol. III. Lipsiae, Sumptibus B. G. Teubneri, MDCCCXXXIV. Liber XIV–XXII. 488 p.
15. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1996. 844 с.
16. Тургенев И. С. Мой сосед Радилов // Тургенев И. С. Соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1988. С. 50–57.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 13. М. : Художественная литература, 1972. С. 407–562.
18. Бальзак О. Собр. соч. : в 24 т. Т. 18. М. : Правда, 1960. 608 с.
19. Брийя-Саварен Ж. А. Физиология вкуса. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=740806&p=1> (дата обращения: 07.08.2022).
20. Новый совершенный российский повар и кондитер, или Подробный поваренный и кондитерский словарь : в 2 ч. : Ч. 2 (с буквы «К»). СПб. :

- На коште Т. Полежаева, 1795. 220, 164; 293–884 с.
21. Новая полная поваренная книга : Состоящая из 710 правил, по которым всякой может с лучшим вкусом желаемя кушанья приготовить, также садовые и огородныя плоды сушить и другими способами в прок запасать. СПб. : Типография Ив. Глазунова, 1808. 456 с.
22. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 10А (20) : Десмургия–Домициан. СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1893. С. 481–964.
23. Лаврентьева Е. В. Культура застолья начала XIX века. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Lavrentieva/Vest-10.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
24. L. Annaei Senecae Quaestiones naturales. Liber IV. De Nili incremento. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/sen/sen.qn4.shtml> (дата обращения: 21.08.2022).
25. L. Annaei Senecae Ad Gallionem de vitā beatā. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/sen/sen.vita.shtml> (дата обращения: 12.09.2022).
26. Сенека Л. А. Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. СПб. : Алетейя, 2001. 400 с. (Античная библиотека. Античная философия).
27. Riddle J. E. A complete English-Latin Dictionary; for the use of colleges and schools. London : Longman, 1838. 312 p.

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023